

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16
EDN: QROBJI

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ БРАЧНОСТИ: ВОЗРАСТНОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ (2011–2021 ГГ.)

Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н.*, Ершова Ю. Н.

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(420111, Россия, Казань, ул. Лево-Булачная, 36а)

*E-mail: ershova104@mail.ru

Для цитирования:

Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011–2021 гг.) // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 5-16. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16; EDN: QROBJI

Аннотация. На основе рассчитанных половозрастных показателей брачности в России за межпереписной период (2011–2021 гг.) с учётом результатов Всероссийской переписи населения 2020 г., выявлены территориальные различия брачности на уровне федеральных округов (ФО) и регионов Российской Федерации. Посредством индексного метода оценён вклад в изменения общего коэффициента брачности по возрастных коэффициентов брачности мужчин и женщин и половозрастной структуры населения. Для изучения интенсивности брачности в России исследована половозрастная структура населения, а также рассчитаны временные ряды возрастных показателей брачности, суммарного коэффициента брачности как приведённая сумма по возрастных коэффициентов брачности для мужчин и женщин активного бракоспособного возраста (от 16 до 60 лет), в том числе для первых и повторных браков, среднего возраста женихов и невест в ФО и регионах России. Выявлен гендерный разрыв в возрастных коэффициентах брачности на уровне ФО и субъектов РФ и его вклад в суммарные коэффициенты брачности. Суммарный коэффициент брачности женщин превышает показатели мужчин за счёт более высокой первичной брачности женщин, возможно, из-за того, что результатом как первого, так и повторного браков мужчин часто становятся женщины, не состоявшие прежде в замужестве. Определено, что поступательное увеличение среднего возраста женихов и невест в России обусловлено преимущественно увеличением возраста первых браков, чем повторной брачностью вдовых либо переживших развод граждан. За межпереписной период выявлено незначительное снижение первичной брачности как у мужчин, так и у женщин и существенное снижение повторной брачности у мужчин и сближение с моделью повторной брачности женщин, которая не претерпела изменений.

Ключевые слова: брачный возраст, суммарный коэффициент брачности, возрастной коэффициент брачности, Россия.

Введение

Трансформации семейно-брачных отношений и факторы, на них влияющие, стали предметом пристального внимания зарубежных и отечественных исследователей. Брачный выбор рассматривается как с позиций психологического и личностного «совпадения» [1], так и с позиций рационального экономического выбора на брачном «рынке» [2]. А. Б. Синельников ввёл в научный оборот понятие брачного потенциала, учитывающего не только численность бракоспособного населения, но и вероятность различных возрастных вариаций для супружеских пар, дополнив измерение предложения на «брачном рынке» расчётами реализации брачного потенциала [3]. Дискуссионным вопросом среди демографов остаётся влияние возраста вступления в брак на стабильность семейных отношений. Дж. Гарсия-Хомбрадос, по данным переписи 2000 г. в Китае, оценив влияние реформы 1981 г., направленной на снижение брачного возраста, пришёл к выводу, что более поздний брак снижает риск прижизненного прекращения брака [4]. Апологетом более поздних браков выступил и В. Оппенгеймер, предположивший, что браки в более позднем возрасте выигрывают от эффекта личностной зрелости новобрачных [5]. Увеличение возраста вступления в брак вследствие получения высшего образования или карьеры оценивается исследователями положительно, поскольку обеспеченные новобрачные более тщательно и ответственно относятся к брачному выбору, что улучшает качество соответствия за счёт увеличения продолжительности поиска и может способствовать стабилизации браков [6; 7]. Особое внимание исследователей разных стран привлекло изучение влияния пандемии COVID-19 на уровень брачности и разводимости [8; 9]. Ряд демографов осуществили анализ межпоколенной преемственности брачных отношений на примере межстрановых и региональных исследований [10–14]. Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (АН РТ) занимается системным анализом

демографического развития в контексте семейно-центристских установок населения регионов РФ [15–17].

В отличие от анализа рождаемости и смертности, ожидаемой продолжительности жизни, вопросам матримониального поведения в демографических исследованиях уделяется значительно меньше внимания, актуальность исследования определяется и значимостью процессов брачности как фактора демографической динамики: это относится к возрастным параметрам брачности, повышению возраста вступления в брак, что влечет за собой более позднее начало деторождения и негативно влияет на рождаемость. Гипотеза исследования: снижение общего коэффициента брачности обусловлено изменениями в половозрастной структуре населения. Поступательное увеличение среднего возраста женихов и невест в России не обусловлено повторной брачностью. При этом суммарный коэффициент повторной брачности женщин выше, чем у мужчин, так как традиционно для женщин важнее реализовать репродуктивные намерения либо попытаться заменить для своих детей биологического отца новым супругом.

Данные и методы, результаты

Для изучения причин динамики брачности в России необходимо исследовать половозрастную структуру населения страны в целом и её регионов, а также временные ряды возрастных показателей брачности, суммарного коэффициента брачности, в том числе первичного и повторного, среднего возраста женихов и невест. Поскольку учёт возраста новобрачных ведётся по пятилетним группам, а в группе «старше 60 лет» по подгруппам не разбивается, средний возраст женихов и невест был рассчитан на основе абсолютных чисел вступивших в брак по возрастам для граждан бракоспособного возраста от 16 до 60 лет. Возрастные коэффициенты брачности были рассчитаны как независимо от очередности, то есть с учётом повторных браков, так и отдельно согласно форме Росстата, учитывающей впер-

вые и повторно вступающих в брак мужчин и женщин. Среднегодовая численность населения для расчета возрастных коэффициентов по пятилетним группам пересчитана с учетом результатов Всероссийской переписи населения-2020. Изменения общего коэффициента брачности проанализированы посредством индексного метода, исследован вклад в изменение общего коэффициента брачности факторов интенсивности брачности (повозрастных коэффициентов брачности мужчин и женщин) и динамики половозрастной структуры населения: доли мужчин и женщин во всем населении. Применительно к расчетам динамики показателей существует ряд ограничений, связанных с изменчивостью совокупности населения вследствие миграции, в том числе трудовой.

За 2011–2021 гг. российская модель брачности претерпела значительные изменения как по динамике общего коэффициента брачности, так и по половозрастным характеристикам. После периода существенного роста, составившего в 2011 г. 48% относительно показателя 2000 г., в 2018 и 2021 гг. произошёл спад до показателей 2000 г., наименьший показатель в РФ (5,3‰) был в 2020 году. За 2000–2021 гг. в десятку регионов-лидеров РФ по общему коэффициенту брачности входили Камчатский край, АО Ямало-Ненецкий (до 2017 г.), Ханты-Мансийский-Югра (кроме 2018 г.) и Чукотский (2017–2018 гг.), Республика Алтай (2011–2012 гг.), Магаданская область (2011–2013 гг., 2017, 2018 и 2021 гг.), с 2007 г. — Сахалинская область (причём в 2018 и 2019 гг. — третье место по величине показателя в РФ). Переместившись с 2012 г. (10,9‰) на первую строку рейтинга, лидирует город Санкт-Петербург (кроме 2015 г. и 2017 г.). Включение в расчёт показателей города Севастополь и Республики Крым с 2014 г. позволило сохранить средний уровень брачности в России на уровне 7,9‰, причём в 2015 г. и 2017 г. в Севастополе был достигнут максимальный среди регионов РФ общий коэффициент брачности (11,5‰ и 10,0‰). С восьмого и девятого мест в 2018 г. и 2019 г.

в пятёрку и тройку лидеров по общему коэффициенту брачности в 2020 г. и 2021 г. переместилась Калининградская область, с восьмого и десятого мест 2019 г. и 2020 г. на четвёртое место в рейтинге в 2021 г. поднялась Московская область. Наименьшие в РФ показатели общего коэффициента брачности зарегистрированы в республиках Тыва и Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, а также в Ленинградской области, в 2015 и 2017 гг. — Чеченской Республике.

На динамику общего коэффициента брачности существенное влияние оказывают изменения бракоспособного контингента трудоспособного возраста: рост коэффициента брачности в России с 2000 г. и достижение максимального уровня в 2011 г. в 9,2‰ произошло на фоне увеличения доли трудоспособного населения с 2000 до 2006 г. до 63% и сохранение её на уровне 61% до 2011 года. Вклад повозрастных коэффициентов брачности мужчин и женщин и половозрастной структуры населения в изменение общего коэффициента брачности был рассчитан индексным методом. Снижение общего коэффициента брачности в 2021 г. на 31% относительно 2011 г. обусловлено соответственно снижением доли мужчин и доли женщин активного бракоспособного возраста от 16 до 59 лет в общей численности населения.

В 2011 г. число женщин в РФ превышало число мужчин на 16%. При этом в возрастных группах до 24 лет доля мужчин превышала долю женщин на 3–4%, а в группе 25–29 лет — на 0,87%, а начиная с пятилетнего интервала 30–34 года численность женщин, относительно мужчин была выше на 1,7%, 35–39 лет и 40–44 года — на 4,7% и 6,2%, а в группах 45–49 лет и 50–54 года на 11,6% и 18,3%, в старшей возрастной группе 55–59 лет — на 30%. В 2021 г. разница между числом мужчин и женщин сократилась до 13%, численность мужчин в возрастных группах до 24 лет на 6–7% превышала численность женщин, в группе 25–29 — на 1,2%, с пятилетнего возрастного интервала 30–34 лет женщин больше, чем мужчин

на 1,3%, 35–39 лет — на 3,6%, 40–44 года — 6,6%, 45–49 лет — 9,8%, 50–54 года — 12,6%, 55–59 лет — 23,1%.

Брачность относительно 2011 г. снизилась во всех возрастных когортах до 35 лет у мужчин и до 45 лет у женщин. В РФ в 2021 г. по сравнению с 2011 г. доля браков, заключённых мужчинами в возрасте 16–17 лет и 18–19 лет в структуре браков не изменилась, в группе 20–24 года снизилась на 10%, 25–29 лет снизилась на 6%, в возрасте 30–34 года и 35–39 лет, наоборот, увеличилась на 5% и 4%, соответственно, в группах 40–45 лет и 45–49 лет последовало увеличение на 2%, в группах 50–54 года и 55–59 лет — на 1%. Снижение доли браков по сравнению с 2011 г., в возрасте 16–17 лет составило 1%, в группе 18–19 лет — 11%, в возрасте 20–24 года — 4%, в остальных возрастных группах последовал рост доли заключённых браков.

Более точными показателями являются возрастные коэффициенты брачности, так как они зависят от возрастной структуры населения, а не от общего числа заключённых браков. Приведённые возрастные коэффициенты продемонстрировали существенные гендерные различия в возрастной структуре брачности: среди мужчин в 2011 г. отмечена модель брачности с вершиной 20–29 лет: наибольшие показатели в возрастных группах 20–24 года и 25–29 лет (60,3% и 70,6%), в 2021 г. максимальный показатель в возрасте 25–29 лет (59,74%). У женщин структура представлена экстремумом в возрастном диапазоне 20–24 года (64,58%). В возрастных группах до 25 лет брачность женщин превышает показатели мужчин. Подростковая брачность в возрасте 16–17 лет почти отсутствует, по сравнению с 2011 г., она снизилась на 4,8% пункта (2,96%), у мужчин — на 0,3% пункта (0,39%), в возрасте 18–19 лет снизилась на 2,6% пункта у мужчин и на 13,5% пункта у женщин (33,4% и 6,95% соответственно), начиная с группы 20–24 года наибольшее снижение у мужчин — на 15,7% пункта, у женщин — на 14,8% пункта, в группе 25–29 лет на 10,9% пункта у мужчин и на 7,6% пункта

у женщин, в группе 30–34 года снижение на 5,7% пункта у мужчин и на 3,8% пункта у женщин, в возрасте 35–39 лет у мужчин снижение на 3,3% пункта, а у женщин начиная с этой группы зафиксировано увеличение коэффициента брачности на 0,3% пункта.

В диапазоне 40–44 года брачность у женщин увеличилась на 1,6% пункта, а у мужчин сократилась на 1,9% пункта. У мужчин начиная с группы 45–49 лет, по сравнению с 2011 г., наблюдалось увеличение на 1,6% пункта (9,7%), в группе 50–54 года на 0,7% пункта (7,4%), брачность женщин в этих группах увеличилась на 2,1% пункта и 1,3% пункта и составила 8,11% и 5,39% соответственно. Брачность в предпенсионном возрасте 55–59 лет остаётся незначительной, несмотря на рост относительно показателей 2011 г. на 0,4% пункта у обоих полов: 5,17% у мужчин и 2,97% у женщин. Вклад различных возрастных когорт мужчин и женщин в суммарный коэффициент брачности отражает на рисунке 1 площадь фигур под кривыми возрастных показателей брачности (рис. 1).

Для выяснения факторов, повлиявших на указанную динамику необходимо рассмотреть тренды, сложившиеся на региональном уровне. По итогам Переписи-2020 пять лидирующих регионов по доле женатых мужчин от общего числа мужчин (от 55,5% до 60%) составили республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Башкортостан, Чеченская, Татарстан, а по доле замужних женщин республики Дагестан, Чеченская, Кабардино-Балкарская, Башкортостан, а также Ставропольский край (46–56%). Минимальная доля состоящих в браке в Москве (где снижение составило 16 и 12%, Санкт-Петербурге, Приморском и Хабаровском краях, Республике Коми (37–42% у мужчин и 32–36% у женщин). Среди женщин наибольшая доля, не состоящих в браке, в Псковской области, причём у 20% по причине вдовства — в данном регионе один из максимальных показателей депопуляции отмечен уже в течение последних 22 лет [18].

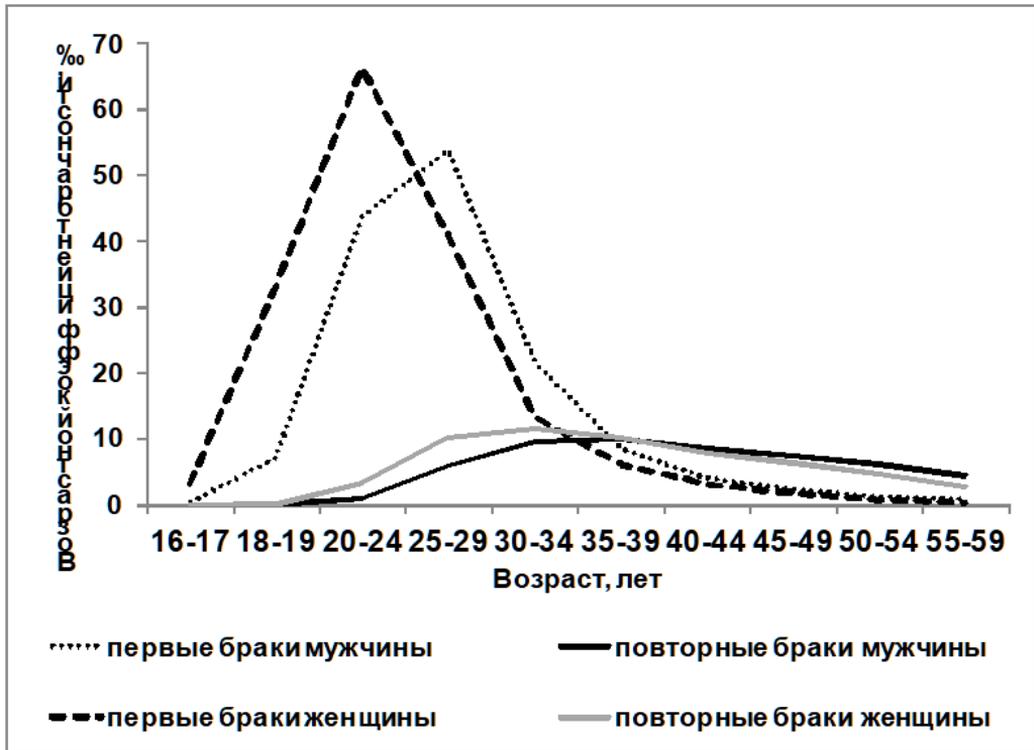

Рис. 1. Возрастные коэффициенты брачности в РФ в 2021 году

Fig. 1. Age marriage rates in the Russian Federation in 2021

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Отличие от возрастной модели брачности РФ в целом продемонстрировал Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО): среди женщин отмечена модель брачности с вершиной 18–24 года: наибольшие показатели в возрастах 18–19 лет и 20–24 года (48% и 53,6%), а среди мужчин, как и в целом по РФ, наибольшая брачность наблюдается в возрастах 20–24 года и 25–29 лет (31,6% и 43,9%). Регионы этого ФО имеют значительные гендерные различия в возрастной структуре брачности. Например, в республиках Чеченской и Дагестан почти отсутствуют ранняя подростковая брачность среди юношей и девушек 16–17 лет, в возрасте 18–19 лет, наоборот, в этих республиках одни из наибольших по РФ показателей брачности у девушек (59,44% и 66,25%, соответственно), и одни из наименьших по стране показателей брачности у юношей

(2,83% и 1,61%, соответственно), что может объясняться традиционными представлениями среди жителей данных регионов об обязательности достижения мужчиной, как главой семьи, в отличие от женщины, возрастной и социальной зрелости. Эта тенденция сохраняется и в возрастных группах 20–24 года. Наибольший коэффициент брачности женщин в возрасте 20–24 года отмечен в ФО Уральском (УФО — 77,9%) и Приволжском (ПФО — 77,2%). Также отличия от российской модели, где экстремум представлен возрастом 20–24 года, продемонстрировали женщины Центрального (ЦФО) и Северо-Западного (СЗФО) федеральных округов — в них отмечена модель брачности с вершиной 20–29 лет: наибольшие показатели в 20–24 года и 25–29 лет, причём в СЗФО с преимуществом в возрасте 25–29 лет: 64,4% и 65,8% соответственно (табл. 1).

Таблица 1
Структура брачности в федеральных округах России по полу и возрасту в 2021 году

Table 1

Structure of marriage in the federal districts of Russia by sex and age in 2021

Возраст (лет)	ЦФО		СЗФО		ЮФО		СКФО		ПФО		УФО		СФО		ДФФО	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
16–17	0,2	2,0	0,2	1,9	0,4	3,8	0,1	2,9	0,4	2,8	0,5	2,9	0,7	4,3	0,7	4,8
18–19	6,1	28,1	6,0	25,7	7,4	38,2	3,2	48,0	6,9	30,9	8,6	36,9	9,4	34,7	9,6	37,8
20–24	41,5	66,6	39,1	64,4	47,0	75,7	31,6	53,6	49,6	77,2	54,4	77,9	50,6	71,9	44,7	67,5
25–29	61,5	56,8	67,6	65,8	59,4	49,5	43,9	24,1	60,5	48,9	63,3	53,5	60,3	50,7	56,0	50,8
30–34	33,7	27,7	38,2	31,2	31,0	24,7	19,3	10,6	27,8	21,5	31,7	26,1	31,5	25,2	31,5	26,9
35–39	20,4	17,9	22,5	19,2	19,0	16,1	9,6	6,9	15,5	14,3	19,8	17,9	19,8	17,1	19,2	17,9
40–44	13,6	11,9	15,1	13,1	12,3	10,7	5,9	4,4	10,5	9,4	13,6	12,4	14,0	11,9	14,0	12,6
45–49	10,5	8,8	11,5	9,7	9,5	8,1	4,4	3,2	8,1	6,6	10,7	9,0	10,9	8,7	11,1	9,8
50–54	7,8	5,9	9,1	6,3	7,3	5,3	3,0	2,1	6,0	4,4	8,5	6,0	8,0	5,5	9,1	6,2
55–59	5,4	3,1	6,4	3,5	5,4	3,3	2,3	1,3	4,2	2,4	5,8	3,3	5,7	3,3	6,4	3,5

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Средний возраст вступления в брак в регионах РФ был рассчитан Центром семьи и демографии АН РТ по пятилетним возрастным интервалам (от 16 до 60 лет). Средний возраст невест в РФ в 2011 г. составлял 27,5 года, женихов — 29,7 года, в том числе среди вступающих в первый брак 24,8 года и 26,8 лет соответственно. В сельской местности разница между молодожёнами чуть превышала городскую (2,23 года против 2,20 года), причём разница в пользу городских мужчин составила 1,64 года, возраст женихов в сельской местности превысил порог в 30 лет, разница между городскими и сельскими невестами составила 1,66 года, достигнув отметки в 28 лет. Средний возраст невест в РФ в 2021 г. превысил отметку в 30 лет (30,3 года), в сельских территориях невесты младше в среднем на 1,72 года. Средний возраст жениха преодолел порог в 32 года (32,1 года), причём в сёлах на 1,4 года ниже, чем в городах, что может быть связано с тем, молодые люди в городах чаще откладывают срок вступления в брак в связи с получением среднего и высшего профессионального образования. Средний возраст вступления в первый брак 26,6 года и 28,7 года у женщин и мужчин соответственно.

В 2021 г. по среднему возрасту невесты, рассчитанному по пятилетним возрастным интервалам (от 16 до 60 лет) в порядке возрастания показателя наименьшие показатели по РФ — в республиках СКФО: первое место у Республики Дагестан (23,9 года), далее следуют республики Чеченская, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Калмыкия, Адыгея и Северная Осетия-Алания. В 2021 г. в Ленинградской области, по сравнению с 2020 г., возраст невест возрос на 0,6 года (33,5 года), сохранился наивысший показатель по РФ и на 0,7 года в Магаданской области (33,1 года). Наименьший возраст жениха — также в Республике Дагестан и превышает возраст невест на 4,3 года (28,3 года). 28,5 года и 29,6 года составил средний возраст жениха в Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках. В остальных регионах РФ возраст женихов преодолел порог в 30 лет. Почти 35 лет составил средний возраст вступающих в брак мужчин в Магаданской и Ленинградской областях (34,8 года и 34,9 года соответственно).

Расчёт суммарного коэффициента брачности (сумма приведённых возрастных коэффициентов в возрасте от 16 до 60 лет) определил значительную разницу у женщин и мужчин: наименьшие суммарные

коэффициенты брачности в 2021 г. продемонстрировала Республика Ингушетия (0,36 у мужчин и 0,33 брака у женщин). Минимальные показатели суммарного коэффициента брачности мужчин в 2021 г. были и в других республиках Северного Кавказа: Дагестан (0,52 брака), Северная Осетия–Алания (0,58 брака), Карачаево–Черкесская (0,6 брака), Кабардино–Балкарская (0,65 брака) и Чеченская республики (0,65 брака) (что может быть связано с религиозными практиками в субъектах Северного Кавказа, регламентирующими разводы и браки, в том числе повторные), а также республики Калмыкия (0,66), Тыва (0,67 брака), Ленинградская область (0,52 брака). Наивысшие показатели в Санкт–Петербурге (1,31 брака), республиках Алтай (1,17 брака) и Карелия (1,22 брака), Камчатском крае (1,2 брака).

По суммарному коэффициенту брачности женщин наименьшие показатели также у национальных республик: Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия–Алания, Карачаево–Черкесская, Тыва, Чеченская, а также в Ленинградской области, максимальные показатели — в Камчатском крае (1,39), Санкт–Петербурге (1,31), республиках Карелия (1,3), областях Мурманской (1,22) и Калининградской (1,21), Краснодарском (1,24) и Приморском краях (1,22), областях Архангельской без Ненецкого АО (1,18), Сахалинской (1,21) и Костромской (1,17).

При сопоставлении суммарных показателей брачности 2011 г. и 2021 г. выявлено существенное снижение как у мужчин, так и у женщин: если в 2011 г. на 1 женщину и 1 мужчину приходилось 1,15 и 1,16 брака, то в 2021 г. 0,96 и 1,02 брака. В 2011 г. наблюдалось преимущество брачности разведенных мужчин на 0,4 брака, по сравнению с женщинами. Это может свидетельствовать, что в 2011 г. разведенные мужчины чаще выбирали в супруги впервые вступающих в брак женщин. Снижение суммарного показателя женщин произошло за счет снижения первичной брачности на 0,1 брака, повторная брачность сохранилась на уровне 0,29 брака на 1 женщину (как и в 2011 г. 0,27 приходилось на разведенных женщин и 0,02 брака — на вдовых), у мужчин снижение

впервые вступающих в брак также составило 0,1 брака и наиболее значимо снизилась повторная брачность: на 0,4 брака снизилась брачность разведенных мужчин за счет снижения брачности разведенных мужчин на 3 и 4% пункта в возрасте 25–34 года.

Обсуждение и заключение

Высокая брачность в Санкт–Петербурге, где суммарный коэффициент брачности 1,31 брака при снижении доли состоящих в браке на 4% и 2% (41% и 34%), зафиксированной Всероссийскими переписями населения 2010 и 2020/2021 гг., подтверждается и другими исследователями, связывающими данное явление с распространением так называемого «свадебного туризма», когда новобрачные из других регионов РФ стремятся провести обряд бракосочетания в «северной столице» России [19]. Подача документов о регистрации брака в электронном виде с возможностью выбора ЗАГСа осуществляется в РФ с 2013 года¹. Пик брачности в Санкт–Петербурге связан с реализацией в 2021 г. торжественных церемоний регистраций браков, отложенных в связи с ограничительными мерами по предотвращению распространения COVID-19 в 2020 г., при этом в 2020 г., несмотря на значительное снижение брачности по сравнению с доковидным периодом, сохранялся наивысший показатель по РФ (1,1 у мужчин и 1,17 у женщин). Наибольшее влияние «свадебный туризм», вероятно, оказывает на соседний регион с одним из наименьших в России уровнем брачности — Ленинградскую область.

Суммарный коэффициент брачности женщин по первым бракам существенно превышает показатели мужчин (0,73 и 0,69 соответственно). Наибольший вклад в величину показателя суммарной брачности вносят первые браки. Максимальный по возрастной коэффициент повторной брачности у женщин отмечен в 25–39 лет, у мужчин — 30–44 года, в пятилетней группировке в данных возрастах по возрастные пока-

¹ Ст. 26. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» в редакции Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 133-ФЗ.

затели составили на 1000 человек соответствующего возраста в группах 25–29 и 35–39 лет — по 10,3 брака, в группе 30–34—11,5 браков, а у мужчин в группе 30–34 года 9,59 брака, 35–39 лет — 10,08 брака, 40–44 года — 8,53 брака, суммарная брачность вдовых женщин более чем в 2 раза превышает брачность вдовцов (0,02 брака и 0,01 брака у мужчин и женщин): гипотеза подтвердилась — на увеличение среднего возраста новобрачных оказывает влияние «постарение» первых браков, повторные браки вдовых и разведённых.

За 10 лет отмечено равное снижение первичной брачности у мужчин и у женщин и существенное снижение повторной брачности у мужчин и сближение с моделью повторной брачности женщин, которая не претерпела изменения. Суммарные коэффициенты повторной брачности у разведённых женщин и мужчин в 2021 г. почти

равные (0,27 брака против 0,26 брака), первоначально выдвинутая гипотеза о более высокой интенсивности повторной брачности у женщин справедлива только для случаев вдовства супруги, превышение суммарного коэффициента брачности женщин достигается посредством высокой первичной брачности женщин (0,73 брака), возможно вследствие того, что объектом как первого, так и частично повторного брачного выбора мужчин становятся женщины, не состоявшие прежде в замужестве. Снижение повторной брачности разведённых мужчин можно рассматривать как позитивное следствие снижения суммарной разводимости мужчин. Перспективы исследования лежат в области проверки гипотезы о влиянии среднего возраста вступления в брак на разводимость на региональном и федерально-окружном уровнях.

Литература и Интернет-источники

1. **Magallares, A.** Psychometric properties of the Spanish version of the Dyadic-Familial Relationship Satisfaction Scale / A. Magallares, C. Matera, P. Recio et al. // *Current Psychology*. — 2023. — URL: <https://rdcu.be/dbmxM> (дата обращения: 02.05.2023). DOI: 10.1007/s12144-023-04603-3
2. **Беккер, Г.** Выбор партнёра на брачных рынках / Г. Беккер // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. — 1994. — № 6. — С. 12–36.
3. **Синельников, А. Б.** Российский брачный рынок в демографическом измерении / А. Б. Синельников // *Социология*. — 2017. — № 1. — С. 83–95. EDN: YXLTZZ
4. **Garcia-Hombrados, J.** Age at marriage and marital stability: evidence from China / J. Garcia-Hombrados, B. Özcan // *Review of Economics of the Household*. — 2023. — URL: <https://rdcu.be/dbmu> (дата обращения: 02.05.2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09651-z; EDN: OKGRBR
5. **Oppenheimer, V. K.** A theory of marriage timing / V. K. Oppenheimer // *American Journal of Sociology*. — 1988. — Vol. 94. — P. 563–591.
6. **Oppenheimer, V.** American marriage formation in the 1980s: How important was women's economic independence? / V. Oppenheimer, V. Lew // *Gender and family change in industrialized countries* / Eds. K. Mason, A. Jensen. — Oxford: Clarendon Press, 1995. — P. 105–138.
7. **Lehrer, E.** Women's age at first marriage and marital instability in the United States: Differences by race and ethnicity / E. Lehrer, Y. Son // *Labor: Demographics & Economics of the Family*. — 2017. — URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol37/9/37-9.pdf> (дата обращения: 02.05.2023).
8. **Hoehn-Velasco, L.** Marriage and divorce during a pandemic: the impact of the COVID-19 pandemic on marital formation and dissolution in Mexico / L. Hoehn-Velasco, J. R. Balmori de la Miyar, A. Silverio-Murillo et al. // *Rev. Econ. Household*. — 2023. — URL: <https://rdcu.be/dbmzA> (дата обращения: 02.05.2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09652-y; EDN: GKVEBF
9. **Komura, M.** COVID-19, marriage, and divorce in Japan / M. Komura, H. Ogawa // *Rev. Econ. Household*. — 2022. — Vol. 20. — P. 831–853. DOI: 10.1007/s11150-022-09609-7; EDN: UMPWXZ
- 10.

11. **Исупова, А. Г.** Брачность и брачное состояние / А. Г. Исупова // Население России-2012: двадцатый ежегодный демографический доклад. — Москва : НИУ ВШЭ, 2014. — С. 57–98.
12. **Щербакова, Е. М.** Брачность в странах ЕС-28, 1990–2015 / Е. М. Щербакова // Demoskop Weekly. — 2017. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0725/barometer725.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
13. **Синица, А. Л.** Пространственные особенности брачности в России в 1990–2015 годах / А. Л. Синица // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2017. — № 1. — С. 59–63. EDN: YHQRH
14. **Falcke, D.** The Relationship Between Family-of-Origin and Marital Adjustment for Couples in Brazil / D. Falcke, A. Wagner, C. P. Mosmann // Journal of Family Psychotherapy. — 2008. — Vol. 19(2). — P. 170–186. DOI: 10.1080/08975350801905020
15. **Randles, J.** Saving Marriage Culture «One Marriage at a Time»: Relationship Education and the Reinstitutionalization of Marriage in an Era of Individualism / J. Randles, O. Avishai // Qual Sociol. — 2018. — No. 41. — P. 21–40. DOI: 10.1007/s11133-018-9375-1
16. Демографический доклад — 2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019–2021 гг.). Монография / ред. Ч. И. Ильдарханова. — Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. — 352 с. DOI: 10.51285/978-5-9690-1058; EDN: GEISRA
17. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2022 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. — Москва : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. — 220 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022; EDN: URJOYC
18. **Ершова, Г. Н.** Конфликтный потенциал семьи как фактор снижения устойчивости браков / Г. Н. Ершова, Ч. И. Ильдарханова // Социальная политика и социология. — 2022. — Т. 21. — № 2(143). — С. 69–77. DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-2-69-77; EDN YDRCYE
19. **Ибрагимова, А. А.** Гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни населения Татарстана // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 47–57. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.4; EDN: AQCTGA
20. **Белюсова, И.** Особенности свадебного туризма в Санкт-Петербурге / И. Белюсова // Наука. Мысль. — 2014. — Т. 4. — № 8. — С. 7–9. EDN: WWWFDP

Сведения об авторах:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, д.соц.н., директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3992-0336; РИНЦ AuthorID: 331216.

Ершова Гузель Николаевна, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: ershova104@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6399-0521; РИНЦ AuthorID: 792142.

Ершова Юлия Николаевна, научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: ershova1985@mail.ru; РИНЦ AuthorID: 663484.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16

RUSSIAN MODEL OF MARRIAGE: AGE AND GENDER PROFILE (2011–2021)

Chulpan I. Ildarkhanova, Guzel N. Ershova*, Iuliia N. Ershova

Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences
(36A Levo-Bulachnaya str., Kazan, Russia, 420111)

*E-mail: ershova104@mail.ru

For citation:

Ildarkhanova Ch. I., Ershova G. N., Ershova Iu. N. Russian model of marriage: age and gender profile (2011–2021). *Narodonasilenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 5-16. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16 (in Russ.)

Abstract. Based on the calculated sex and age indicators of marriage in the Russian Federation for the inter-census period (2011–2021) with the account of the results of the All-Russian Population Census-2020, territorial differences in marriage at the level of federal districts and regions of the Russian Federation were identified. By means of the index method, contribution of the age-related marriage rates of men and women and the age and sex structure of the population to changes in the total marriage rate was assessed. To study the intensity of marriage in Russia, the age and sex structure of population was studied, and time series of the age rates of marriage, total marriage rates were calculated as the sum of the age marriage rates for men and women in the active age of marriage (from 16 to 60 years), including first and repeated marriages, average age of grooms and brides in federal district and regions of Russia. There was examined the gender gap in age marriage rates at the level of federal districts and the RF subjects and its contribution to the total marriage rates. The total marriage rate of women exceeds that of men due to the higher first marriage rate of women, possibly due to the fact that men often enter into the first and second marriage with women who have not been married before. It is found out that the progressive increase in the average age of brides and grooms in Russia is mainly due to an increase in the age of first marriages, rather than remarriage of widows or divorced persons. During the inter-census period, a slight decrease in first marriages was recorded for both men and women, as well as a significant decrease in remarriages of men and their convergence with the model of remarriage of women that has not changed.

Keywords: marriage age, total marriage rate, age marriage rate, Russian Federation.

References and Internet sources

1. Magallares A., Matera C., Recio P. et al. Psychometric properties of the Spanish version of the Dyadic-Familial Relationship Satisfaction Scale. *Current Psychology*. 2023. Available at: <https://rdcu.be/dbmxM> (Accessed: 2 May 2023). DOI: 10.1007/s12144-023-04603-3
2. Becker G. Vybor partnera na brachnykh rynkakh [Choosing a partner in marriage markets]. THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i sistem [THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems]. 1994. No. 6. P. 12–36. (in Russ.)
3. Sinelnikov A. B. Rossijskij brachnyj rynek v demograficheskom izmerenii [Russian marriage market in a demographic dimension]. *Sotsiologiya [Sociology]*. 2017. No. 1. P. 83–95. (in Russ.)
4. Garcia-Hombrados J., Özcan, B. Age at marriage and marital stability: evidence from China. *Review of Economics of the Household*. 2023. Available at: <https://rdcu.be/dbmyP> (Accessed: 2 May 2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09651-z
5. Oppenheimer V. K. A theory of marriage timing. *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 563–591.

6. Oppenheimer V., Lew V. American marriage formation in the 1980s: How important was women's economic independence? Eds. K. Mason, A. Jensen. *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford. Clarendon Press. 1995. P. 105–138.
7. Lehrer E., Son Y. Women's age at first marriage and marital instability in the United States: Differences by race and ethnicity. *Labor: Demographics & Economics of the Family*. 2017. Available at: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol37/9/37-9.pdf>. (Accessed: 2 May 2023)
8. Hoehn-Velasco L., Balmori de la Miyar J. R., Silverio-Murillo A. et al. Marriage and divorce during a pandemic: the impact of the COVID-19 pandemic on marital formation and dissolution in Mexico. *Review of Economics of the Household*. 2023. Available at: <https://rdcu.be/dbmzA> (Accessed: 2 May 2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09652-y
9. Komura M., Ogawa H. COVID-19, marriage, and divorce in Japan. *Review of Economics of the Household*. 2022. Vol. 20. P. 831–855. DOI: 10.1007/s11150-022-09609-7
10. Isupova A. G. Brachnost' i brachnoje sostoyaniye [Marriage and marital status]. Naseleniye Rossii-2012: dvadtsat'j jezhegodnyj demograficheskij doklad [Population of Russia-2012: the Twentieth Annual Demographic Report]. Moscow. NIU VShE [Higher School of Economics]. 2014. P. 57–98. (in Russ.)
11. Shcherbakova E. M. Brachnost' v stranakh ES-28, 1990–2015 [Marriage in the EU-28 countries, 1990–2015]. *Demoscope Weekly*. 2017. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0725/barometer725.pdf> (Accessed: 15 March 2023). (in Russ.)
12. Sinitsa A. L. Prostranstvennyje osobennosti brachnosti v Rossii v 1990–2015 godakh [Spatial features of marriage in Russia in 1990–2015]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics]*. 2017. No. 1. P. 59–63. (in Russ.)
13. Falcke D., Wagner, A., Mosmann C. P. The relationship between family-of-origin and capital adjustment for couples in Brazil. *Journal of Family Psychotherapy*. 2008. Vol. 19(2). P. 170–186. DOI: 10.1080/08975350801905020
14. Randles J., Avishai O. Saving Marriage Culture «One Marriage at a Time»: Relationship Education and the Reinstitutionalization of Marriage in an Era of Individualism. *Qualitative Sociology*. 2018. No. 41. P. 21–40. DOI: 10.1007/s11133-018-9375-1
15. Demograficheskij doklad — 2022. Sotsiodemograficheskij kapital Respubliki Tatarstan v kontekste natsional'noj bezopasnosti (2019–2021 gg.). [Demographic Report-2022. Sociodemographic Capital of the Republic of Tatarstan in the Context of National Security (2019–2021)]. Ed. Ch. I. Ildarkhanova. Kazan. Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences. 2022. 352 p. DOI: 10.51285/978-5-9690-1058 (in Russ.)
16. Demograficheskije samochuvstvije regionov Rossii. Natsional'nyj demograficheskij doklad — 2022 [Demographic Well-Being of the Regions of Russia. National Demographic Report — 2022]. Eds. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova; FNIS Ts RAN [FCTAS RAS]. Moscow. PERSPEKTIVA [PERSPECTIVE]. 2022. 220 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022 (in Russ.)
17. Ershova G. N., Ildarkhanova, Ch. I. Konfliktnyj potentsial sem'i kak faktor snizheniya ustojchivosti brakov [The conflict potential of the family as a factor in reducing the stability of marriages]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2022. Vol. 21. No. 2(143). P. 69–77. DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-2-69-77 (in Russ.)
18. Ibragimova A. A. Gendernyye razlichiya v ozhidayemoy prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Tatarstana [Gender differences in life expectancy of the population of Tatarstan]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 47–57. DOI: 10.19181/population.2021.24.4 (in Russ.)
19. Belousova I. Osobennosti svadebnogo turizma v Sankt-Peterburge [Features of wedding tourism in St. Petersburg]. *Nauka. Mysl [Science. Thought]*. 2014. No. 8. P. 7–9. (in Russ.)

Information about the authors:

Ildarkhanova Chulpan Ildusovna, Doctor of Sociology, Director, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3992-0336; Elibrary Author ID: 331216.

Ershova Guzel Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: ershova104@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6399-0521; Elibrary AuthorID: 792142.

Ershova Iuliia Nikolaevna, Researcher, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: ershova1985@mail.ru; Elibrary AuthorID: 663484.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.